

**МИХАИЛ
КАЙДАШ**

**МОЙ ДРУГ
СКОРЕЕ ЖИВ**

РЕДАКЦИЯ
КПД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6
К15

Серия «Русская Реконкиста»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Кайдаш, Михаил

К15 Мой друг скорее жив / Михаил Кайдаш. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; Редакция «КПД», 2026. — 320 с. —
(Русская Реконкиста).

ISBN 978-5-17-188823-7

Квартира Саши Шарапы в ростовской Солдатской слободе — прибежище для всех, кто потерял или не смог найти своё место в жизни. Но когда сам Саша внезапно умирает, четверо его друзей, земляков-дончан, получают указание отвезти его тело на историческую родину — в Мариуполь. Внезапно для себя они узнают, что к ним присоединится и сам Шарапа. Конечно, уже не совсем живой, но и не до конца мёртвый.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос = Рус)6

© Михаил Кайдаш, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-188823-7

*Посвящается памяти Даниила Дудникова,
Евгения Дробина и Ильи Уварова-Наровского*

Умирать же вроде страшно, так говорят? Наверное. Я как-то даже и не ощутил. Мне двадцать семь лет — точнее, должно было исполниться двадцать семь лет. На сколько я там не успел, часов на шестнадцать? Надо было на часы посмотреть. Вообще, это хорошая привычка — смотреть на часы время от времени, она тебя заземляет, цементирует в настоящем моменте. Друзья часто останавливают меня, когда начинаю заводить какие-то такие разговоры. Говорят, мол, я постоянно растекаюсь мыслью по древу. А тут такая ситуация: я умер, а вам всё ещё что-то рассказываю. Тут бы конкретики побольше.

Меня зовут Александр Шарапа. Я оттоптал двадцать шесть лет по земле, а оттопчу ли двадцать седьмой — не уверен. Я определенно нахожусь где-то на этом свете, пусть и не в самом понятном качестве. Это первое, в чём я уверен. Второе, в чём я абсолютно уверен — я очень хочу домой.

глава вторая

Дима шёл по улице, как обычно — спе-ша даже туда, куда опоздать невозможно. Ноги его всегда немного опережали сердце, он чувствовал, как на лбу выступает испарина, и что пульс уже начинает немного отдавать в виски, но остановиться и замедлить шаг не мог. Возможно, ему казалось, что стоит хоть немного замед-литься, то все вокруг сразу обратят на это внимание. Даже не осудят, нет, про-сто-напросто обратят внимание. Но это-го было достаточно, чтобы вселить в него если не страх, то навязчивое ощущение неуверенности.

Место тоже не способствовало спокой-ствию. Сутолока улицы Станиславского, особенно утренняя, служила отличным стимулятором. Уже к десяти утра на щер-батый асфальт выплёскивались десятки, сотни людей, расстилали прямо на трам-вайном полотне простыни, скатерти, по-лотенца — что придётся, словом, — и на-чинали выкладывать нехитрый скарб на

продажу. Найти здесь можно было что угодно — антикварные часы, одежду, старую технику, рабочую и нерабочую, животных. Ребята смуглой наружности, всесезонно одетые в чёрную кожу, продавали золото сомнительного происхождения. Профессиональные барахольщицы с блестящими зубами торговали, чем придётся, что найдётся и что кому-нибудь когда-нибудь пригодится. Сутуловатые старушки наперебой предлагали овощи, закутки, цветы.

И всё это под палящим уже в апреле южным солнцем. Согнать это столпотворение хоть ненадолго получалось только у трамваев. Заслышав звон транспортного гудка, все бросались сгребать скарб в ткань, убирать товар с рельс. Но стоило трамваю уехать, как всё возвращалось на свои места.

Дима часто думал, что более подходящего места для жизни Шарапа просто не мог бы найти, как бы ни искал. Где-то здесь, среди исторических домов, попрошаек и воров, Шарапа и поселился не то пять, не то шесть лет назад. Он так и остался для Димы загадкой — существовал он как-то сам по себе, семьи у него не было, здесь, по крайней мере. Откуда он

родом, Шарапа никогда не говорил. Очевидно, что он не совсем местный. Говорил без акцента, без растянутых гласных и фрикативного «гхэ». Очевидно, чем-то занимался — мало кто, правда, понимал чем. Его все знали, или про него, по крайней мере, слышали. Если люди про него что-то и говорили — то только хорошее; обычно, что он им серьёзно помог в тот или иной момент их жизни. Дальше этого рассказы заходили редко. Дима провёл рукой по лбу, чтобы вытереть и поправить взмокшие и чуть редющие волосы.

Он остановился у щербатой двери во двор-колодец. В правой руке от резкой остановки чуть дёрнулся и зазвенел стеклянным содержимым пакет: у Шарапы сегодня всё-таки день рождения, с пустыми руками приходить было бы неправильно. По памяти набрав код из трёх вдавленных кнопок, Дима просочился во двор. Шарапа жил на первом этаже — «на фундаменте», как он любил выражаться. Его дверь — вторая слева, старая, металлическая, тяжёлая. Напряжённо выдохнув, Дима трижды постучался костяшками пальцев.

Раньше дверь открывалась как-то сама по себе, просто раз — и дверь сама от-

щёлкивалась, и тебя уже встречал хозяин. Сегодня в слух Димы отчётливо вкралось что-то новое — то ли какое-то напряжённое копошение в квартире, то ли беспорядочная, громкая ходьба. Щелчок замка. В двери наметился небольшой просвет, и в нём появилось остроносое, хитрое лицо. Оно подозрительным прищуром смотрело на Диму.

— Ты кто?

— А вы кто? — по спине Димы пробежал холодок.

— Еврей, что ли? Вопросом на вопрос.

— Я к Шарапе. Вы-то кто вообще? — в ответ на это неизвестный собеседник высунул из-за двери голову, глянул Диме за спину. Удостоверившись, что за ним никто не стоял, парень удовлетворённо сказал:

— Заходи, пришли уже все. Дверь — главное — закрой за собой!

Ситуация начинала нравиться Диме всё меньше и меньше. Внутренности его немного задёргались, когда он увидел, как парень, уже повернувшийся к нему спиной, задрал футболку и что-то засунул за пояс спортивных штанов. Это «что-то» блеснуло в свете лампы чёрным лаковым металлом.

— Херовые, короче, дела, — неизвестный продолжал вещать из глубины квартиры.

Само собой, подумал Дима. Что-то подсказывало ему, что нужно проследовать за незнакомцем. Дима разулся и пошёл по старинному паркетному полу. В квартире он мог ориентироваться уже на ощупь, до того ему здесь всё было знакомо. Полупустой платяной шкаф в прихожей, заставленная книгами первая комната — в шкафах и на полках места уже не было, трюмо, несколько картин (недорогих, но выбранных со вкусом и большим знанием дела) — и при этом крохотная, совсем скромная полуторка. На полу постоянно были разбросаны книги, которые Шарапа с определённой регулярностью перечитывал — Данте, Борхес, «Одиссея» в переводе Жуковского, несколько разномастных непереведённых сборников иностранной поэзии. Удивительное сочетание спартанского быта и духовного излишества. Дальше — полумрачный коридор, похожий на музейный, в котором Шарапа постоянно забывал менять лампочки, слева — ещё комната, справа — санузел, вперёд — кухня.

Нос защекотал запах квартиры. С ним как будто тоже было не всё в порядке. Здесь,

конечно, всегда пахло стариной, той самой чуть сладковатой стариной, которой обычно отдают пожелтевшие страницы книг, но сегодня этот запах как будто сдобрили затхлостью. Чуть-чуть слишком сладко. Чуть-чуть отдаёт гнилью. Гнилью с примесью табачного дыма. Дима прошёл на кухню.

Остроносый деловито ходил от стены к стене. Его лицо было подёрнуто флёром какой-то задумчивости. Очевидно, что активный мыслительный процесс ему приходилось компенсировать каким-то движением. Кроме него, на кухне оказалось ещё двое. В открытое окно курил объёмный, крепко сбитый парень с бритым черепом. Дима машинально протянул ему руку и, чуть тише положенного, произнёс своё имя. Какую-то долю секунды парень в прострации смотрел на Димину ладонь, потом крепко сжал её, чуть шепеляво, на испанский манер, выбросил: «Серёжа». Вернее, что-то вроде «Шсерёша». Звук выдернул остроносого из размышлений, он тоже подскочил к Диме, необязательно хлопнул его по плечу и сказал: «Артём». Последний персонаж оставался недвижим.

Он сидел на том самом потёртом кожаном диванчике, на котором Дима проболтал с Шарапой бог знает сколько десятков

часов. На столе был выложен привычный натюрморт: четыре разномастные зажигалки и щербатая красно-белая кружка с мутной пепельно-табачной жижей, в которой плавали окурки. Судя по их количеству и цвету жижи, ребята сидели здесь довольно долго. Или просто очень много курили. Диму немного успокоил тот факт, что среди прозрачного пластика дешёвых зажигалок царственно стояла шараповская Zippo. Если она здесь — значит, и он тоже.

Неназванный персонаж умело сливался с ландшафтом. Его лицо тоже играло подвижной задумчивостью, как и у Артёма. Только у того по живо дёргающимся жвалам было ясно: думает он о чём-то мирском. Мирском, тяжёлом, срочном. Тут же в воткнутом в стол взгляде читалось: я не здесь. Я там. Я нигде. Отстранённый взгляд и слегка ангельская внешность, с волнистыми прядями, как у херувимов, контрастировали со всем, что происходило ниже шеи. С замызанной майкой, с бугрящимися под рукавами мышцами плеч. Артём отвесил тому несильный щелбан, мол, люди пришли, к тебе обращаются. Опущенная в стол голова тяжело выдохнула и изрекла имя, больше походившее на стон: «Родион».

Дима попытался слотнуть ком в горле. По ощущениям, он сейчас был по размерам с Юпитер, слюна не шла дальше миндалин, как ни пытайся. Нутро свербело, как кожа от поношенного свитера: что-то здесь не то. Он опустил пакет на стол. Тот зычно звякнул.

— Так что случилось? — ему показалось, что он нарушил какое-то негласное правило, которому неукоснительно следовали в этой ситуации. И как будто вошёл по пояс в липкую стоячую воду, подёрнутую ряской.

— В комнату сходи, сам посмотри. Там и лежит, — Дима так и не понял, кто это сказал. Как будто никто и не открывал рта, не шевелил губами. Эта фраза просто возникла в воздухе. Просто произошла и произнеслась.

Зудящие мысли-пчёлы зажуужжали в голове. Мозг сразу кинулся к самому жуткому из вариантов. Потом тут же попытался его откинуть. Не получилось. На ватных ногах Дима проковылял до комнаты. От неуверенного толчка дверь неохотно, с дребезжащим скрипом, открылась. Неохотно, как будто сама не хотела показывать, что же там внутри.

Шарапа лежал на своём продавленном матрасе. Тело было раскинуто, как у декадентки на картине. Ещё и комната в таких же блёкло-зелёных тонах. Левая рука, скинутая с кровати, чуть не доставала до пола. В правой — заботливо обнята какая-то книжка в мягком переплете. И прижатое одним уголком под мышкой одеяло, по диагонали закрывавшее половину тела. Привычного движения вверх-вниз в районе груди и живота не было.

Как он умиротворённо смотрит. Вот первое, о чем подумал Дима. У него наконец-то успокоился взгляд, обычно бегающий, какой-то включенный. Бешеные глаза были прикрыты тяжёлыми веками. За первой мыслью сразу подскочила вторая. Он здесь, а его, похоже, больше нет. Дима подошёл поближе: машинально захотелось проверить пульс. От шеи рука зачем-то дернулась вверх. Щека Шарапы была твёрдой, шершавой, как потрёпанный футбольный мяч. Дима не запомнил ни сколько времени он провёл в комнате, ни как вышел из неё. Время как-то истончилось, стало неестественно пластичным. Прямо как нагретый свечной воск. Лицо Шарапы тоже было как нагретый и застывший свечной воск.

В этой квартире произошла трагедия. Несколько человек потеряли близкого друга. Возможно, даже более близкого, чем они были готовы себе это признать. За окном вдруг забесновались гудки машин и трамваев, заматерились люди. Там тоже, похоже, произошла трагедия. Артём громко выругался и вскочил со своего места:

— Я же скорую вызывал! А у нас ворота заперты, — и вся компания послушно поспешила за ним.

Арка двора была огорожена от остального мира тяжеленными воротами. Раньше они вселяли какое-то чувство безопасности, но сейчас от них было больше вреда, чем пользы. Дима бросил взгляд в просвет между створок. Поперёк улицы стояла карета скорой помощи. На неё-то и были направлены и все гудки, и ор, и мат. Ворота были надёжно заперты на щеколду и ржавый амбарный замок. Не без труда Серёжа выдернул заевшую щеколду из земли и зафиксировал её в открытом положении. Дело оставалось только за замком. Все знали, что у Шарапы ключа быть не может. Таких ключей на весь двор было штуки три, и все — у владельцев машин, которые здесь же и стояли. А у Шарапы